

— Одиннадцать парней, три девушки и профессор в количестве одна штука, Гермиона, — говорю я, когда мы, развалившись, сидим в общей гостиной на следующее утро.

— Что? — спрашивает она, отвлёкшись от подаренных книг.

— Столько народу спросило меня насчёт тридцати семи шагов к женскому экстазу на балу вчера вечером.

Гарри с Невиллом тут же принимаются ржать, а Гермиона в который уже раз на моей памяти мило раздумывается.

— Ох, — а потом в её округляющихся глазах наконец-то проявляется процесс осознания моего утверждения. — Профессор?

Игнорирую подразумеваемый вопрос. Мне не нравится описывать, насколько смущалась профессор Вектор, рассуждая про значимость числа тридцать семь и что может означать окончание каждого этапа. Излишне упоминать, в каком я оказался щекотливом положении... и было оно отчасти возбуждающим. Наверное поэтому я всё утро мурлыкал “Выпьем за вас, миссис Робинсон”.

— А сколько спросили тебя?

— Всего две девушки и парень, — тихонько говорит она, очевидно что-то скрывая. Моя натренированная бровь поднимается, выражая сомнение в её правдивости. — Что? Это правда! — но бровь и не думает опускаться на место. — Ох ты ж, прекрасно. Первой была Мэнди Брокхёрст, передавшая послание мне от группы равенкловок, а другая — Сьюзан Боунс, почти сразу после того, как она потанцевала с тобой. Сказала, что хотела тебя спросить, но струсил. Там ещё кучка хаффлпафов с горящими глазами за её спиной сенсации жаждали. — Она прилежно и неудачно маскирует свою стыдливость снятием несуществующий пушинки с мантии.

Не удерживаюсь и присвистываю.

— Удачливый сукин сын, — ворчит Рон.

— Ро-он! — срабатывает рефлекс у Гермионы.

— Они не собирались просить меня опробовать на них. Даже так — вряд ли кто из них хотел этого. Либо им было любопытно, либо они надеялись, что я обучу их дружков.

— Кроме спросившего меня парня, — говорит Гермиона, явно разрываясь между изумлением и смущением. — Он весьма пристально рассматривал тебя.

— Правда? Но ведь предполагается, что это про женский экстаз.

— Его такие мелочи не слишком волновали, — пожимает она плечами.

— Должен признать, что любопытно, работает ли метод на мужчинах-геях, — говорю, почёсывая затылок. — Не могу представить, что будет. Предположительно работает для лесбиянок, поскольку всё пришито к женской анатомии.

— Пошлятина! — делает морду кирпичом Рон.

— Он не будет всё это проверять, Рон, — ворчит Гермиона, но затем её лицо морщится, когда она внимательно рассматривает меня. — Или будешь?

— Ну, — легонько фыркаю. — Было, разок я пытался, чтобы Гарри поцеловал меня в щёчку... — смеюсь на разинувшего рот Рона, да и Невилл слегка передёргивается.

— Как можно... как ты мог!? — брызгает слюной Рон.

— У нас, в маггловском мире, взгляды более терпимые, — пожимаю я плечами. — Я сам совершенно гетеросексуален, но по мне ничего неправильного в мужчинах или женщинах иной ориентации нет. По правде, на женщин даже приятно посмотреть.

— Уильям! — в ужасе восклицает Гермиона.

Ах бедные подростки первой половины девяностых, отлучённые безжалостным ненаступившим ещё временем от чудес порнухи Интернета.

— Эй, если им удобно жить с их сексуальностью и сходить с ума, как эксгибиционисты, мне что, грудью встать на пути их удовольствий? — Или воспользоваться их возможно заслуживающими сожаления решениями для случая интернетовского порно, но мои собеседники слишком юны, чтобы выслушивать такое.

— Как ты благороден, раз готов принести такие жертвы, — Гарри краснеет от смущения вместо меня.

— Гарри, ты неправильно выговариваешь слово “извращён”, — этими словами Гермиона сопровождает убийственный взгляд на меня.

— И это говорит девушка сама заявившая главной сплетнице Хогвартса, что я использовал на ней тридцать семь ступеней к женскому экстазу, — и хитренько так улыбаюсь.

Взгляд вмиг запунцовевшая Гермиона всё-таки отводит.

— Но самое интересное, что она говорила истинную правду, — улыбочка Гарри неплохо копирует мою.

— Учитывая Гермиону, леди на портрете на входе в слизеринскую гостиную и всеми теми, кто спрашивал про это вчера вечером, я уже практически заработал репутацию бога секса, — поглаживая подбородок, изрекаю я.

— На самом деле та леди на портрете хотела тебя убить, — замечает Невилл.

— Малосущественные подробности, — отмахиваюсь я.

* * *

Наш разговор оставляет у Гермионы лёгкую досаду, заметно усилившуюся от статьи Риты Скитер в “Ежедневном Пророке” о бале. В оригинальной версии главным пунктом там было её свидание на балу с Крамом, но в этот раз, похоже, Рита нашла более пикантную тему для обсуждения.

Первым моим порывом было расхохотаться, но я всё-таки решаю повременить на случай, а вдруг Гермиона наткнётся или просто изобретёт проклятье кастрации.

— У них что, нет тем поинтереснее любовной жизни подростков? — с крайним недовольством восклицает Гермиона.

— Сомневаюсь, что есть, если один из них — мальчик-который-выжил. Извини, Гарри.

Гермиона ещё ворчит что-то под нос, а Гарри выражает ей сочувствие.

— Ладно, могло быть и хуже, — с надеждой успокоить их говорю я.

— Тебе легко так говорить, не тебя там чуть ли не проституткой нарисовали!

Вообще и меня тоже... или как там в британском сленге называют мужской вариант. Но возражать неохота.

— Ладно, в конце концов я не богат и не знаменит, — говорю я, думая о Краме. — Так как они ничего не знают обо мне, всё у них натянуто и жалко, слухи всего лишь. Имею в виду, что ты пошла с Гарри на бал и всё такое. Они даже упомянули, что я ходил со слизеринкой! Одно это может заставить людей сомневаться в правдоподобии описанного в статье. — Я не акцентирую внимание на очевидном — что почти всё это правда.

— Не уверена, но думаю, что основной вред ещё впереди, — она падает лицом в ладони. — Такие слухи могут вернуться в любой момент и преследовать всю жизнь. У них что, нет никакой практики по защите малолетних от такого вот?

— Это маггловское изобретение за последнюю сотню или чуть более лет, — говорю. — Так что волшебный мир это ещё не собезьянничал. Или просто не дорос.

Это наблюдение отнюдь не подбадривает Гермиону.

— Ну что, охота мелкую жучистую тварь кажется всё более соблазнительной? — спрашиваю я.

Меня вдруг сбивают с толку её внезапно сузившиеся глаза, взявшие на прицел что-то или кого-то позади меня.

— Что это, чёрт побери, Лернер? — требование звучит сердитым голосом Дафны у меня из-за спины, а её рука бросает “Пророк” на стол передо мной. Первым делом я замечаю поражённые лица некоторых мелких гриффиндорцев — не каждый день слизеринская красавица устраивает скандал их софакультетнику прямо в большом зале. Эти ещё не слышали, что я танцевал со слизеринками минимум семь раз. К счастью, Дафна попала внутрь чар уединения, так что слов никто снаружи не слышит. Блейз и Трейси не зашли под купол и сейчас смущённо оглядываются.

— В-общем, я бы сказал, что газета, но я читал статью и для меня она — не более, чем дешёвые слухи, — я стараюсь казаться беззаботным. Реально всё с точностью до наоборот.

— Ты говорил, что не будешь вовлекать Асторию!

— Прости пожалуйста, — как можно серьёзнее. — Я не говорил ни с одним репортёром и конечно не ожидал, что они напечатают всю эту чепуху.

— Мне не надо было позволять ей идти с тобой, — холодно говорит она.

— Это не его вина, Дафна! — гневно покрасневшись, Гермиона вскакивает с места.

— Да ладно вам ругаться, — говорю примиряющим тоном.

— Нет, надо! Ты не должен позволять ей так обращаться с собой! Меня достала твоя бесхребетность и роль половичка под её ногами! Почти вся статья злословит обо мне, а Гринграссы упоминаются чисто фоном наравне с многими другими.

— Гермiona, Дафна! Если вы не хотите провоцировать ещё одну волну нелепых сплетен, пойдём выяснять отношения где-нибудь не здесь.

До Дафны с Гермioniой тут же доходит — и они бледнеют одновременно. Как хорошо, что вне пузыря никому ничего не слышно. И как плохо, что видны выражения лиц.

— Ну что, бросим косточку сплетникам и пойдём? — одной рукой я подхватываю сразу одереvenевшую Дафну. — Тебе стоит выглядеть непринуждённой, Дафна, — и она слегка расслабляется одновременно с тем, как Гермiona снимает чары. Но тут же вздрагивает на мой громкий смех. — А ты не верила, что они действительно напечатают всю эту ерунду. И что есть идиоты, которые в это поверят.

— Кто-то занял очередь на увольнение, — поддерживает мой смех Гарри, рукой обхватив Гермionу за плечи.

— Напомните мне добыть “Придиру”. Я бы подписалась на “Еженедельную Молодую Ведьму”, если бы захотела собирать школьные слухи вместо новостей, — экспромтом поддерживает нас Гермiona, умышленно не глядя на Луну. Но та всё равно радостно ей улыбается.

По пути к выходу я оглядываюсь на слизеринский стол и ловлю взгляд фиолетовых глаз младшей Гринграсс. Глазами и головой показываю на выход, и она кивает в подтверждение. Мы добираемся до конца стола, и Гарри с Гермioniой смещаются поближе к нам. Их обоих я обхватываю другой рукой, для полноты картины.

— А ты к месту “Придиру” упомянула, Гермiona. Луна теперь весь день счастливая ходить будет. Эх, жаль я об этом не подумал.

Выйдя из зала, я приятно удивлён отсутствием у Дафны порыва немедленно сбросить мою руку, а в её голосе, задающем вопрос, заметно меньше льдистости.

— Почему мы так медленно в этот раз идём?

— Ждём кое-кого, — напускаю туману я. Развернувшись к ней и Трейси с Блейзом, у последнего вижу недовольство на лице относительно положения моей руки. Но он заметно спокойней воспринимает всю эту “друзья с гриффиндорцами” ситуацию. — Вы куда направлялись, обратно в гостиную Слизерина? Можем отправиться туда, если хотите.

— Ты жаждешь снова встретиться с леди на портрете, — шутливо высказывается Гарри.

— Она меня впечатлила, — задумчиво отвечаю ему. — Да и вы, народ, её ещё не видели, а у неё такой славный набор досто...

— Брось, — резкое слово Дафны прерывает меня. — Дорога нам подходит.

— Уилл? Даф? — зовёт нас неуверенный голос Астории сзади. Дафна тут же выкручивается из моей руки навстречу сестре.

— Стори? А ты что тут делаешь?

Стори? Какое миленькое уменьшительное имя!

— Мне хочется извиниться перед ней лично, — говорю, полностью разворачиваясь к подходящей девушке, и как только она оказывается рядом, заключаю всех в купол чар уединения. — Простите меня, Астория, я не смог предусмотреть такую вот публикацию в “Пророке”.

— Уильям... — предостерегающе начинает Гермiona, и внезапно возвращается напряжение, казалось оставленное в большом зале.

— Всё нормально, — говорит Астория. — Там же только сказано, что я пошла с тобой, а Дафна с Виктором, и что наш отец важный бизнесмен.

— Ты не понимаешь, что бизнес отца может быть разрушен из-за этого, — говорит Дафна, пронзая меня взглядом. — Не удивлюсь, если он появится сегодня. Со скандалом.

— И каким боком в этом виноват Уильям? — весьма горячо спрашивает Гермiona.

— Если бы мы не... если бы он не заговорил со мной вообще, ничего бы и не случилось!

Я тут же краснею от смущения, когда Астория вместе с Гермioniой тут же принимаются активно спорить с Дафной.

— Остановитесь, — громко говорю я. — Смотри, Дафна, ты сказала правду. Да, Гермiona, всё так. Мы просто общаемся друг с другом, и я замечательно провёл время вчера. Ты мне очень нравишься, и мне не хочется терять твою дружбу. Но я пойму, если ты или твой отец захотите прекратить дружбу со мной. Я пойму ваше решение, о том, что последствия, подобные сегодняшним, её не стоят.

— Я такого не говорила, — отвернувшись, расстроенно говорит Дафна.

— Ну вот, мы и пришли к надобности решать, так? Ты можешь наорать и изругать меня, но когда закончишь, тебе придётся либо простить меня, либо избавиться от моего нежелательного присутствия в твоей жизни. Как насчёт сразу перейти к этой части?

Какой-то рычащий звук слышится из горла Дафны, и она поворачивается к Гермионе:

— С ним всегда так тяжело?

— Да, — говорит Гермиона. — На самом деле он однажды выдал нам примерно такую же речь.

— Тогда, правда, не сработало... она приказала ему исчезнуть, — не слишком естественно ухмыляется Гарри, большим пальцем указывая на Гермиону. Дафна не слишком удивлена, а вот Астория с Трейси пораженно ахают.

— Я... я уже признала свою ошибку, — покрывается румянцем смущения Гермиона.

— Спорно, — пожимаю я плечами. — При любом исходе это не будет ошибочным выбором с её стороны. Мы оба знаем, что она мне нужна больше чем я ей. Конечно, никто не запрещает ей поменять мнение потом, как случилось у тебя. Как говорится разлука укрепляет чувства, — я слегка ухмыляюсь на последних словах, стараясь разрядить атмосферу.

— А почему это она тебе нужна больше, чем ты ей? — спрашивает Астория.

— Он хочет... — начинает Гермиона.

— Нет! — громко прерывает её Дафна и, выхватив палочку, наставляет её на меня с опасным блеском в глазах. — Ты обещал!

— Дафна, всем известна нехорошая напряжённость во взаимодействии Слизерина с другими факультетами, — я гляжу ей в глаза многозначительно. — Совершенно не страшно, если Астория будет знать о моих стараниях это взаимодействие улучшить. Я не собираюсь призывать её под знамёна или подвергать её опасности, или что-то подобное.

Спустя несколько секунд она осознаёт происходящее, её глаза слегка расширяются, а палочка медленно опускается.

— Я бы сказала, что ты больше чем пытаешься, — говорит Трейси. — Вся школа видела, как ты и Гарри много раз танцевали с нами. Я уж не говорю, как ты вошёл в зал вместе со Стори буквально перед чемпионами.

— Кто-то пробовал устроить вам разнос? — слегка морщусь я.

— Как Даф и говорила, четверокурсники молчали. Если Малфой не воняет на счёт чего-либо, остальные молчат в тряпочку. Кишка у них тонка наезжать на Гринграссов.

— У Нотта и Паркинсон вместе влияния хватило бы, — слегка поправляет подругу Дафна. — но поскольку Панси исповедует культ Драко, то Тео не желает иметь с ней никаких дел. Он опасается сам поднимать эту тему на случай, если это всё часть хитрого плана Малфоя чужими руками обтяпать свои делишки. Да и не любитель он болтать.

Астория удивлённо мечется взглядом между участницами разговора. Очевидно, что это не уровень её игр с однокурсниками.

— У меня впечатление, такая возможность есть у мистера Забини, — оглядываюсь я на стоически держащего “морду кирпичом” спутника слизеринок.

— Я не могу, — просто отвечает тот.

— Может, — поправляет Дафна. — Но не будет.

— Я не нарушу своего обещания.

— Тебе было одиннадцать, — закатывает глаза Дафна. — Сомневаюсь, что кто-либо из наших родителей вообще помнит об этом.

— Я помню, — отвечает он прямым и непоколебимым взглядом.

Бросаю взгляд на Гарри и Гермиону, а те явно видят Блейза уже в совершенно ином свете.

— Полагаю, мы наконец уверили тебя, что дружба с нами не приводит к нарушению твоего обещания?

Блейз только фыркает и молчит. Добираемся до гостиной Слизерина, и насмешливая гримаса сама наползает мне на лицо при виде портрета.

— Мне стоит пугаться того, что означает твой взгляд? — спрашивает Гермиона.

— О чём это ты? — стараюсь звучать как можно невинней.

— О нет, портрет! — с преувеличенным ужасом всплескивает руками Трейси.

— Кто здесь? — спрашивает леди своим страстным голосом.

— Ещё раз здравствуйте, миледи, — с улыбкой показываюсь я её на глаза. — Должен признать, что вы выглядите совершенно восх'итительно.

Гарри и Астория дают смешки от воспоминаний вчерашнего вечера, и даже Дафна снисходит до лёгкой улыбки.

— Ты! Тебе тут нечего делать! Изыди с глаз моих!

— Вот и подумашь, а может стоит верить всем твоим как бы смешным рассказам? — покачивает головой Гермиона.

— А это что ещё такое? — прищулив глаза, требовательно вопрошает портрет.

— Всё очень просто, миледи. Я рассказал моим друзьям Гарри и Гермионе о том, каким расточительством является положение самого прекрасного портрета в замке, который практически предан забвению в подземельях, и только у четверти студентов есть привилегия рассматривать вас. Они были весьма настойчивы в желании лицезреть вас самолично, — и повернувшись к упомянутым. — Вот видите, я правду говорил: весьма привлекательна, а?

Гарри издаёт неопределённый звук.

— Элегантна, фигуриста, уж не говорю, что опытна... Держу пари, что такая женщина знает все уловки в...

— Уильям! — в унисон восклицают Дафна с Гермионой, а дама тут же начинает визжать, что вынуждает меня поднять чары уединения, чтобы отсечь её вопли.

— Упс, простите, я тут слегка отвлёкся, — поворачиваюсь я обратно к основной группе. Гермиона с Дафной украдкой обмениваются смущёнными взглядами, на что я ухмыляюсь, мол, мне сверху видно всё. И тут же сам краснею, как варёный рак, поняв, что на меня смотрит Астория, округлив глаза от изумления.

— Угм... Извини, Астория. Я тут типа забыл про твоё присутствие, — робко говорю я ей.

— Ты смущаешься говорить перед ней, но не перед нами? — поднимает брови Гермиона.

— Ухм, — как я словоохотлив, а Трейси внезапно взрывается хохотом под неодобрительным взглядом Дафны.

— Прости, Даф, я не хотела смеяться. Просто вспомнила, что вчера спрашивала Уильяма, почему он не определиться — с тобой ему быть или с Гермионой. А он сказал, что не хочет об этом говорить. Теперь понятно — ему нравятся гораздо более зрелые женщины!

Лающий смешок вырывается у меня, но только мы с Трейси и Гарри находим это занимательным. Блейз, отвернувшись, давит своё отношение в задушенном кашле.

— Вы втроём закончили? — обиженно сопит Дафна.

— Вполне! Только вот Дафна ещё не решила, желает ли она оставаться в друзьях, — вносит ложку дёгтя Гермиона.

Старшая из двух слизеринок-брюнеток застывает, а с моего лица пропадают все следы веселья, и я серьёзно смотрю на неё. Она, сжав губы, держит мой взгляд, потом пробегает глазами по всем присутствующим по-очереди, возвращаясь ко мне. Голова её поникает, и она с досадой тяжело вздыхает:

— Чёрт с тобой, Уильям...

— Может, мы выдавим остатки непоняток обнявшись? — я прикусываю нижнюю губу, прерывая расползание рта в улыбке.

— Цирцея-милостивица, — фыркает она, — и откуда же ты знаешь, как добиваться своего? Ладно.

Делаю шаг вперёд и решительно обнимаю её.

— Мне очень жаль, что так вот получилось, — шепчу ей в ушко и отпускаю.

— Знаю.

— Кстати, у твоих волос восхитительный запах.

— Ты это всем говоришь, — стонет как о давно наболевшем Гермиона.

— Это совсем не так! — придаю себе фальшиво-скандальный вид. — Уверен, что я сказал это не более, чем... пяти девушкам. Может, ещё Гарри, но точно не помню.

— Ох и чудной ты мужик, Уильям, — качает головой и улыбается Гарри.

— Кстати о подобных. Как думаете, предпочитаемая мной леди-портрет уже закончила описание желаемых ею способов моего умерщвления?

— Похоже на то, — говорит Гермиона.

— Ладно, тогда нам наверное пора сматываться, — снимаю чары уединения, а Дафна называет пароль. Женщина опять начинает разглагольствовать во время открытия двери-портрета, поэтому приходится опять поднимать чары.

— Мне нужно время подумать, но нам надо поговорить позже, — втыкает мне пальцем в грудь Дафна. — Наедине.

— Так точно, мэм,— изображаю я шуточное воинское приветствие. А потом ухмыляюсь с озорством. — Приносить вино или клубничку?

— Я бы, — она как в прицел суживает глаза, — порекомендовала бы сумку льда и обезболивающее зелье.

Всех веселит этот ответ, хотя Блейз всего лишь выглядит довольным, а я вместе с усмешкой ещё и прищёлкиваю языком.

— Изменщики. Ладно, я рад, что мы поговорили, надо только не забыть надеть защитную ракушку для следующего обмена мнениями.

— Тебе не стоит, — она также ухмыляется и разворачивается всем телом. — Увидимся позже.

— Спасибо, что пригласил меня и танцевать, и сюда... — обнимает меня Астория. — Всё было... интересно.

— Так оно и бывает, Стори, — удивляю я её употреблением уменьшительного имени, но она тут же поощрительно улыбается. — Мне очень жаль из-за статьи, но надеюсь, что даже если будут неприятности, то небольшие.

— Даф переволновалась и слишком остро прореагировала. Всё обойдётся, — она ещё раз на секундочку прижимается ко мне, а потом внезапно обнимает Гарри и Гермиону, к полному обалдению последних, перед тем как ускакать в гостиную вслед за сестрой. — Пока, ребята!

— Если бы пару месяцев назад, — подходит ко мне Трейси, — ты сказал бы мне, что Даф, Стори и я будем танцевать и обниматься с гриффиндорцами ещё до конца года, я бы решила, что ты сошёл с ума. И она тоже обнимает меня, пусть и более робко, слегка наклонившись в талии ко мне. — Даже сейчас, чуток одумавшись, я могу так считать... Спасибо за минибал вчера, и за представление сегодня... да и на прошлой неделе тоже. Стори права — было интересно. До встречи, Уильям, Гарри, Гермиона.

— Рад это слышать, Трейси. Обязательно увидимся. — киваю также Блейзу. — Мистер Забини.

— Лернер. Поттер. Грейнджер, — после пары чопорных кивков он следует за Трейси.

— Да, это было... забавно, — облегчённо выдыхает Гермiona.

— А я в тебе разочарован, Уильям, — неодобрительно-театрально покачивает головой Гарри. — Думаю, ты мог бы сорвать пару поцелуев в щёчку.

И мы на пару с Гарри хохочем от облегчения, даже Гермiona слегка улыбается и качает головой. Мы с Гарри по дороге обратно подтруниваем друг друга, а вот она остаётся необычно молчаливой и, вопреки установившейся традиции, не подхватывает меня под руку и не берёт Гарри за руку.

Моё удивление только усиливается когда она без колебаний продолжает подъём по лестнице, не сворачивая к нашей башне. Мы с Гарри обмениваемся взглядами, но видя решительное выражение на лице подруги, одновременно пожимаем плечами и без слов следуем за ней. Ведёт она нас в знакомый закуток коридора седьмого этажа напротив полотна Барнабы Безбашенного и троллей-балерунов и тут же с живостью принимается ходить туда-обратно напротив места входа в выручай-комнату.

Сотворённая ею комната, а точнее небольшой салон на несколько кресел и диванчиков, вдруг заставляет меня трепетать в предчувствии очередного поворота. Тренироваться тут негде. Малодушная надежда на её желание что-то поизучать падает в обморок от логичной мысли, что тогда она бы наверняка предпочла библиотеку в качестве тыла, пусть даже читать она будет только свои учебники. И эта надежда тонкой льдинкой разлетается вдребезги под тяжёлым каблуком её взгляда, которым она придавливает меня, усевшись в одно из кресел. Даже не дожидаясь замешкавшегося на входе Гарри.

— Гермiona? — неуверенно произносит наш друг, также устроив свою пятую точку.

— Уильям, — она не обращает внимания на его беспокойство. — Разве мы не твои лучшие друзья?

— Конечно друзья, — морщу я лоб.

— И разве ты не доверяешь нам больше, чем всем остальным здесь?

— Доверяю, — звучно сглотнув, говорю я не слишком уверенно, не понимая, куда нас заведут её вопросы.

— Тогда почему, — её пристальный взгляд буквально вонзается мне в душу, — ты доверяешь ей что-то важное, о чём мы не знаем?

Голова Гарри резко поворачивается в мою сторону, а я смотрю в пол.

— Что? Это правда? — неверяще спрашивает он.

— Ты видел, как Дафна прореагировала, когда я всего лишь собиралась рассказать про так называемую операцию “Исправление рептилии”. Но она точно решила, что я буду говорить не об этом. Она верит, что Уильям планирует что-то гораздо более опасное, и даже намёк на это что-то она считает нежелательным для Астории.

Молю тебя Станиславский, помолчи про этот мой выход на сцену.

— Она знает гораздо меньше любого из вас. После её рассказа про свою семью я понял её ценность, как источника информации о... редкостях. Поэтому я в общих чертах намекнул о своём знании, каким образом Риддл добивался бессмертия, и что мы противостоям ему на этом пути. И естественно, она понимает, как опасно это знание. Перед балом она была расстроена, что полностью об этом я ей не рассказал, и испугалась за Асторию — вдруг втяну и её. Невзирая на моё обещание не делать этого, мы всё равно тогда поцапались. Я никогда даже не намекал ей об изначальных причинах дружбы с ней, поэтому-то она сегодня испугалась, что ты вдруг упомянешь уже известные ей планы.

Все мои слова — абсолютная правда. Даже некоторая, не слишком свойственная мне, механичность изложения только подчёркивает это. Но я гляжу прямо только на Гарри, который кивает, поддакивая мне, и пытаюсь избежать стандартного детектора тайн Гермионы. И как, скажите на милость, я смогу прорваться через этот год между Сцилой и Харибдой, Гермионой и Дафной, не разгласив им всё, и ещё сверх того? Понятно, что надо их отвлекать.

— Гермиона, помнишь книгу, подаренную мне Дафной? Вещь древняя, и в записке Дафна пишет, что она из библиотеки редких фолиантов её отца. Мне очень хочется, и я надеюсь до неё добраться в помощь нашим исследованиям по крестражам. А намёк на своё желание я уже ей озвучил. Полагаю, что у нас больше шансов найти что-то в библиотеках двух древних семейств — Блэков и Гринграссов, чем в одной из них. Не стоит забывать ещё, что Сириус — одновременно в бегах и на охоте по нашим просьбам. Так что я не знаю, когда будет доступ к его источникам и будет ли он у нас вообще. Слишком много там если.

Краем глаза замечаю знакомую реакцию Гермионы при упоминании редких книг — неровное дыхание, блеск в округлившихся глазах, пальцы слегка дёргаются, непроизвольно уже стараясь ухватить ещё недоступный в действительности фолиант. Даже волосы кажется оживают и слегка распушают и без того шикарную гриву волос. Заряжаются электричеством, наверное. Настоящая Гермиона Грозная, примерно так Рон любит её называть. Я бы ещё добавил — дракониха или крылатая львица. Пока ещё поддающаяся моим заговорам, которые, вот ирония, всё более раскрепощают её.

А сейчас пора нанести добивающий удар.

— Я нацеливаюсь на пасхальные каникулы. Пробудив интерес и в Дафне, и в Астории, я практически уверен, что получу приглашение. А Гринграсс-старший мне кажется весьма заинтересован в личном знакомстве с наследником семейства Поттер, — Гарри тут же морщится на упоминание о наследстве, но я несколько раз киваю, подтверждая серьёзность собственных слов. — Не будь так уверен, что всё твоё наследство — лишь кучка монет на полу гоблинской пещеры. — И снова смотрю уже прямо на Гермиону. — Но для всех лучше, если ты

тоже будешь с нами.

Глаза девушки подёргиваются поволокой, и значит мне удалось сыграть на её чувствах без особой фальши и снова уклониться от пули.

На данный момент.

* * *

Как ни странно, но нет никаких заметных последствий от статьи в “Пророке”, за исключением некоторого напряжения внутри нашей маленькой группы. Всё быстро уgomанивается в довольно приятный вариант реализации досуга. Следующую неделю мы проводим время либо в большом зале, становящимся в перерывах между трапезами общешкольной гостинной, либо, тепло одевшись, гуляем по окрестностям замка. К досаде сестры, Астория проводит с нами заметное количество времени, поскольку почти все её сокурсники приглашения на бал не получили и разъехались по домам на каникулы. Гермiona же непомерное количество времени либо тихо шушукается с Дафной, либо болтает и смеётся с Асторией. Неужто она нацелилась так с ними подружиться, чтобы и её приглашение было естественным?

Луна и Невилл постоянно составляют нам компанию в отличие от Рона, который до сих пор чувствует себя напряжённо в присутствии слизеринцев. Но даже так, он всё равно очень редко упускает шанс поиграть в колдовские шахматы в большом зале. Неожиданно нашу группу во время прогулки вокруг замка лёгкой трусцой догоняет Виктор Крам и присоединяется, чтобы избавиться от кучки сопровождающих его на тренировке хихикающих девиц и поговорить с Дафной. Он, видимо, удивляется на поправку Гермiony его произношения, но они быстренько находят общий язык, когда выясняется её искреннее желание помочь с английским международной звезде квиддича.

Совершенно неудивительно, что спустя три дня Гарри начинает слегка беситься от такого вот поворота. Но для меня всё, конечно, замечательно.

— Я же вижу, что тебя это беспокоит, — примащивается сбоку Астория и рассматривает меня любопытным взглядом. — А я думала, тебе нравится моя сестра.

— Я люблю обеих, — выдавливаю я из себя слабую улыбку на её вызов.

— Это... — хмурится она, — нечестно, ты не можешь быть с двумя. Надо выбрать одну.

Ага, вот и разговор, которого я, признаться, ожидал на пару дней пораньше. Качаю головой и

прищелкиваю языком.

— Если бы я был настолько удачлив. К сожалению, мне не придётся выбирать ни одну. Вспомни-ка, что тебе отец про меня рассказывал.

— Я забыла, — отводит она взгляд.

— Да всё нормально... А кто, кстати, говорит, что я, если бы мог, конечно, должен был выбирать из них двоих? Я здесь всех девушек люблю. Вдруг я тебя выберу?

— Но... но ты же старше, — и заливается краской на мой краткий взрыв лающего смеха. — Ничего смешного я не подразумевала, — бормочет она.

— Извини, это типа шутка для тех, кто в курсе. Я выгляжу старше, но чуть погодя это уже не будет иметь значения. Глянь на Виктора, он семикурсник, значит Гермiona с Дафной на три года младше.

— Знаю, знаю. Мама младше папы на девять лет. Я просто... кажется, что ты сам хочешь кого-то постарше... угм... неважно, в-общем.

Одной рукой я приобнимаю её и прижимаю к боку, как я частенько обнимаю Луну, и ободряюще улыбаюсь, чтобы она не слишком расстраивалась.

— Ты упускаешь один важнейший момент — вы, девушки, являетесь теми, кто делает окончательный выбор. Хотя, если я ещё тут буду, то прослежу, чтобы мальчик был достаточно хорош для тебя, — и, убрав руку, нарочито угрожающе тыкаю кулаком в ладонь.

— Просто замечательно! Никогда не хотела иметь старшего братика, — с театральным спокойствием говорит она, закатывая глаза. Но уголки губ уходят вверх.

— Вредина, — изображаю я обиду, как можно дальше выпятив вперёд губы.

— Что я слышу — ты меня обозвал, — нервно смеётся она.

— Да ты глянь, — смеюсь я вместе с ней. — Я же гораздо круче любого старшего брата, потому что мы пропустили все те предыдущие долгие годы пыток и подколов на тему твоего роста.

— Нет, ты бы был наследником Гринграссов, — возражает она.

— Ах, да. Был бы я примерно таким: “Астория, прекрати лучиться счастьем. Ты должна быть как все и доставать каждого своим нытьём и придирками. Совсем как я и твоя сестра.” — Я

постарался сказать это как можно более глубоким и аристократичным голосом.

Астория раздражается громким хохотом, потом, правда, старается обуздать лицо в подобие холодной маски её сестры, но неудачно.

— “Да, брат”.

— “Также твой мизинчик выставлен недостаточно высоко, когда ты пьёшь чай. Мне стыдно за тебя.”

И снова Астория впадает в неконтролируемый смех.

— Ты чем занимаешься, Уильям? — отвлекается от своих дебатов с Виктором Гермiona.

— “Я распекаю Асторию за неподобающее потомству Гринграссов поведение”, — говорю самым своим помпезным тоном.

— О, нет! Только не опять! — она отрицательно мотает головой и прижимает внутренним ребром ладонь ко лбу, как бы скрывая глаза от стыда за меня. На что раздаются смешки от Гарри, Луны и Невилла. Слизеринцы же и Виктор смотрят слегка сконфуженно.

— Опять? — уточняет Астория.

— Да она у нас человек некомпанейский*, — показываю я язык Гермione. — Ей не нравятся мои пародии из-за моих фантастически точных попыток имитировать британский акцент.

/*От переводчика. Partyrooreg — буквально “вечериночный поганец/дурачок/простофиля”/.

— Некомпанейский человек? — Астория в замешательстве хмурит брови, а потом встряхивает головой, давая знак, что ей наплевать на непонятные ей словосочетания. — Ладно, что уж там. Не хочу ничего такого сказать, но акцент действительно отвратительный.

— Вредина, — опять изображаю я младенческую обиду.

— Осторожнее с обзывалочками, — лукаво ухмыляется она. — А то расскажу Даф, что ты про неё тут наболтал.

— Ох? Как хитроумно с твоей стороны, Стори. Очень хорошо. И что же ты желаешь от меня?

— Что?

— Я знаю, когда меня шантажируют, о леди, ходящая вокруг да около, — говорю я с укором. — Какова цена твоего молчания?

— Хм, — постукивает она пальчиком по губам. — Мне нужно время придумать что-то подходящее.

— Ой-ё-ёй, как мне не нравятся эти интонации.

— Им не нужно нравиться, — её улыбка становится озорной.

— Тогда ничего слишком безумного. А то я могу просто позволить тебе рассказать, а сам потом отболтаюсь, не впервой.

А вот теперь её черёд губы надувать.

— Поганец вечериночный.

* * *

— Мистер Лернер, пожалуйста соблаговолите прибыть в кабинет директора, когда закончите, — просит меня профессор МакГоннагал. В-общем, прозвучало это не как вопрос или просьба, и впечатление только усиливается, когда она энергично удаляется, даже не дождавшись ответа.

— Конечно, — говорю я уже пустому месту.

— Кому-то, кажется, за что-то попадёт, а-та-та, — пропевает Гарри.

— Гарри, пожалуйста, — качает головой Гермиона.

— Всё в порядке. Полагаю она просто желает проверить те самые слухи, несомненно достигшие её ушей, — и я многозначительно подмигиваю ей, а у неё перехватывает дыхание.

— Ты же не думаешь?..

— А может она попробовать хочет?

— Б'вя, — кривится в отвращении Гермиона.

— Эй, я уверен, что не каждый день здесь обитает бог секса, — аргументирую я и одновременно стараюсь отрешиться от весьма устрашающих образов, ударами топора пытающихся разрубить мой мозг.

— Всего-то каждый день за последние четыре месяца, — это Гаррин кнат.

— О да, но она же этого не знала до сих пор, — отстаиваю я свою точку зрения.

— Омерзительно, — шепчет Гермиона, всё ещё корча кислую мину.

— Вспомни, Трейси говорила, что Уильяму нравятся женщины постарше, — вот Гарри, зараза очкастая. И чем я думал, когда своим же примером его и учил, с его-то наследственностью от папы и Сириусом в пределах совиной связи.

Гермиону передёргивает, и она активно крутит головой, как бы вытряхивая оттуда последнюю минуту разговора.

— Ты же не собираешься им рассказывать, да?

— Про наш маленький и всем известный секрет? Нет, будь уверена, я всё сохраню в тайне, — и я прижимаю кулак к сердцу. — Хау, я всё сказал! — и ладонь вперёд в подражание индейцам.

— Уильям!

— Не беспокойся, дражайшая моя. Наверняка я что-нибудь придумаю.

Глянув и уверившись, что ни директора, ни МакГоннагал в зале уже нет, я отталкиваюсь от нашего стола и отправляюсь в кабинет директора. Видимо, горгулья ждёт меня и пропускает, даже не спросив пароля. Дверь в кабинет открывается ещё до моей попытки постучать.

— Заходите, мистер Лернер, заходите, — весело приветствует меня Дамблдор. А вот вид МакГоннагал радостным не назовёшь.

— Вы вызывали меня, директор?

— Да, хотелось узнать, как прошёл ваш первый триместр. Лимонную дольку?

— Нет, благодарю вас, — подкрепляю я отказ движением руки. — Это было интересное время. Я доволен собой.

— Это только кажется, — говорит медленно и сурово МакГоннагал.

— Ну, ну, Минерва, — говорит Дамблдор, но делает паузу, сплетает пальцы и наставляет на меня свои тренированные голубые глаза. Я сдвигаю свой взгляд на другого профессора, надеясь, что это вынужденное действие не слишком нарочито смотрится со стороны. Одновременно я формирую ничто в сознании, просто на случай даже непроизвольного применения легилименции. — Что вы думаете насчёт статьи в “Пророке” о вас и ваших друзьях?

— Я слегка удивлён, что в волшебном мире нет защиты малолетних от таких вот событий, — пожимаю я плечами. — Учитывая всё, слухи со школьного двора не кажутся мне слишком важной вещью.

— Конечно, так и должно быть, — соглашается он. — Но надо учитывать славу упомянутых в статье людей, существующую независимо от их желаний. Думаю, вам вскоре станет понятно, что заметной части населения это всё не безразлично, и даже в большей степени, чем вы ожидали.

Я делаю серьёзное лицо и перевожу взгляд в пол.

— Насколько оно всё того стоит, мне жаль. Очевидно, я предпочёл бы полное отсутствие любой статьи. Особенно с таким малым количеством правды.

— Насколько мало правды? — давит МакГоннагал.

— Мы достаточно близкие друзья, большинство упомянутых в статье. Но... самые пикантные моменты действительности не соответствуют, — я заливаюсь румянцем от смущения. — Я не говорил ни с кем из журналистов — у меня в мыслях не было желания вовлечь в скандальную ситуацию сестёр Гринграсс.

Краем глаза замечаю обмен взглядами между профессорами.

— Есть ещё один предмет, о котором нам хотелось бы поговорить... — начинает Дамблдор, но потом делает драматическую паузу. — Насколько я понимаю, нам стоит поблагодарить вас за неожиданные, но весьма желанные изменения, происходящие в Слизерине.

Пробую пожать плечами, но отказываюсь от жеста, а вместо того расплываюсь в улыбке, вспомнив, как изменилась за эти пару месяцев Дафна.

— Я догадался, — очевидно довольным голосом говорит он. — Помимо воли я заметил в кругу ваших друзей есть учащиеся с Равенкло и Слизерина... Заметное достижение для гриффиндорца, и даже больше, учитывая, что мистер Поттер среди них. Уверен, что вы в курсе его предыдущих взаимодействий с представителями факультета Салазара.

— За последнюю пару месяцев я смог поделиться некоторыми соображениями с определёнными представителями этого факультета. Просто для того, чтобы развеять некоторое непонимание, — ах какой дипломатичный период завернул я от радости.

— Вы ограничивались только словами? — требовательно спрашивает МакГоннагал.

— Возможно, — я морщусь слегка, — было несколько защитных заклинаний с моей стороны.

— Благодарю вас за вашу честность, мистер Лернер, — говорит директор. — Не так давно профессор Снейп с завистью отметил, что выйдя из класса он наткнулся на самые впечатляющие на его памяти щитовые чары от учащегося вашего возраста.

Опять краснею, на этот раз от смущения, но потом с беспокойством начинаю переминаться с ноги на ногу.

— Мне стоит признаться, что я разоружил мистера Малфоя, когда он в сопровождении восьми слизеринцев пристал ко мне. Я тогда в-одиночку шёл на встречу с профессором Бабблинг.

— Что они сделали? — взволнованно выпаливает МакГоннагал.

— Всё нормально, по-правде то столкновение оказалось наиболее успешным. Я ему сказал, что он поумнее своего отца, на что он разозлился так, что вытащил палочку и наставил на меня. Разоружив, я поощрил его подумать над ожидаемым временем жизни определённой группы людей. А вернув ему палочку, я думаю, мне удалось достучаться, что чистота крови имеет мало значения, кроме как в политике, может быть. Я сам после этого наблюдал нового и гораздо более вдумчивого мистера Малфоя.

МакГоннагал переводит дух.

— Вы так вот просто вернули ему палочку? — На мой кивок она качает головой, как бы не веря в мою недалёкость. — Всё равно, это было весьма глупо с вашей стороны. Разоружить мистера Малфоя на глазах его друзей. У меня велико искушение снять очки с факультета, невзирая на благоприятный исход.

— Старшая мисс Гринграсс уже подружилась к тому времени со мной, хоть ей бы и не хотелось тогда открыться некоторым из её софакультетников. К тому же, я уже заслужил некоторую репутацию в глазах мистера Забини и мисс Дэвис. Во многом благодаря этому мы так открыто дружелюбны сейчас. Они трое тогда присутствовали, поэтому я не верю, что был в существенной опасности.

Дамблдор откидывается на спинку кресла.

— Поразительно, — говорит он, поглаживая свою бороду. — Пусть я обязан согласиться с

профессором МакГоннагал и призвать избегать столкновений, я не могу отрицать результатов.

— Альбус...

— Мне очень жаль, профессор. Признаю, что я мог бы попытаться сбежать. Я приму наказание, которое вы полагаете необходимым, — надеюсь, что мои слова звучат достаточно серьёзно, хотя желваки у МакГоннагал — не самый хороший признак.

— Основываясь на вашем прошлом поведении, я верю, что данного предупреждения вам будет достаточно, — наконец говорит она.

— Удачи вам в наступающем триместре, — улыбается мне Дамблдор.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1361918>